

О. Н. ШЕВЦОВА

КОМПОЗИЦИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПО НОВОЙ
РУССКОЙ ИСТОРИИ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА
ТРУД Н. Г. УСТРЯЛОВА
«ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО»

Автор анализирует труд Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» с точки зрения наличия в нем признаков литературного произведения, прежде всего композиции. Композиция произведения соответствует взглядам историка на Петра I и его деятельность. Особое место в рамках этой композиции занимает образ царевны Софьи и дело царевича Алексея.

Ключевые слова: композиция, Н.Г. Устрялов, Петр Великий, сюжет, кульминация, культурно-историческая традиция, демонизация, царевна Софья, царевич Алексей.

В исторической мысли и в критической литературе не раз указывалось на близость между исследованием историка и литературным произведением¹, прежде всего исторической направленности. Одним из признаков такой близости является наличие в труде историка, как и в произведении писателя, особой композиции. С одной стороны, композиция предполагает обязательное структурирование произведения, при котором оно, в соответствии с авторским замыслом, делится на определенные составные части. Такими частями могут быть крупные разделы или отдельные главы. Но композиция не может сводиться к структуре произведения. Внутренний смысл этой категории несравненно глубже. И если структура произведения относится к его форме, то композиция включает в себя признаки и формы, и содержания. Известный литературовед В.В. Кожин подчеркивал, что композиция – это «членение и взаимосвязь разнородных элементов, или, иначе, компонентов литературного произведения», в которой можно видеть «структуру художественного содержания». Она при этом всегда проявляется «не в отдельных элементах, но в их взаимодействии»². Композиция произведения связана с его сюжетом, который включает в себя такие важнейшие его стороны, как завязка, ход действия, кульминация и конечная развязка.

Наличие подобной композиции имело место в крупнейших произведениях русских историков, созданных в эпоху романтизма, например, в трудах Н.М. Карамзина «История государства Российского» или донско-

---

¹ Нечкина. 1982; Биск. 1996.

² Краткая литературная энциклопедия. Т. 3. Стб. 694, 695.

го историка В.Д. Сухорукова «Историческое описание Земли войска Донского». Они посвящены отечественной истории, относящейся к далекому прошлому. В то же время во второй четверти XIX в. имел место значительный интерес к отечественной истории нового времени, особенно к царствованию Петра I, с которого началась активная европеизация России, продолжившаяся в следующем столетии. Кроме того, в официальной идеологии русской монархии при Николае I Петр Великий занимал особое место, и сложился его своеобразный культ, который всячески поддерживался самим императором. Не случайно поэтому в таких условиях появляется большой труд известного историка того времени Н.Г. Устрялова, посвященный истории царствования Петра I.

Существование композиции в этом труде подтверждается двумя обстоятельствами. Во-первых, особенностями его исторического мышления, основой которого он сам считал прагматизм, в рамках которого предполагается теоретическое обоснование исследуемого процесса. Заключался прагматизм в том, что в нем должно быть выявлено, «какие были главные общие явления, как одно явление уступало место другому, как переходила Русь постепенно из известного положения в другое, отличное»³. Такая характеристика прагматизма давалась историком применительно к работе над трудом «Русская история». Но освещение прошлого в другом крупном его труде, «История Петра Великого», также основано на авторском прагматизме. В рамках прагматической истории, по оценке Гегеля, изложение событийной истории строится таким образом, что «общее и внутреннее в них, их связь едины»⁴. Такое внутреннее единство в труде Устрялова о Петре I очевидно. Структура его весьма сложна, в ней линейно-хронологический принцип репрезентации материала сочетается с проблемным. Поэтому изложенные во времени события, связанные лично с царем, находятся в единстве с характеристикой разных сторон его деятельности и жизни государства, такими, как армия и флот, дипломатия и войны, массовые движения, церковь и борьба с консервативной оппозицией, другие стороны жизни государства и общества. Кроме того, Устряловым проделан обстоятельный историографический анализ посвященной Петру I литературы, с ее классификацией и оценками того, что писали его предшественники об этом монархе, а также дана подробная систематизация источников. Все это позволяет рассматривать его труд как исследование, закладывавшее традиции научного анализа истории жизни и деятельности Петра.

---

³ Устрялов. 1836. С. 40.

⁴ Гегель. 2000. С. 61.

Во-вторых, существование композиции заключалось в особой близости этого труда к литературному произведению. На такую близость указывал еще Н.А. Добролюбов. По его оценке, труд Устрялова – произведение «биографическое» и «летописное». Но и летопись, и биографический жанр относятся к литературе ничуть не меньше, чем к истории как к способу познания прошлого. На наличие литературных достоинств в этом труде указывает характеристика Добролюбова, который, как выдающийся литературный критик, мог глубоко судить о художественном уровне произведения. Литературные качества способствовали читательскому восприятию изложенных Устряловым событий. Н.А. Добролюбов считал, что «из "истории" его вышла весьма живая картина деяний Петровых»⁵. Это давало ему основание для высокой оценки труда Н.Г. Устрялова: «Этот труд его достойно стоит возле творения Н.М. Карамзина, полный неоспоримых достоинств»⁶. Но, по оценке критика, такая литературность иногда отрицательно сказывалась на качествах труда Устрялова как исторического сочинения. Тем не менее, благодаря несомненным литературным качествам композиция этого труда становится вполне заметной.

Сочинение Н.Г. Устрялова о Петре I вызвало интерес русского общества благодаря тому, что в нем прагматическая история с ее глубокой рефлексией над событиями и явлениями прошлого и литературный талант автора нашли весьма прочное соединение. Интерес к этому труду также определялся тем, что его проблематика и содержание были исключительно тесно связаны с современной автору культурой, что характерно вообще для рефлексий над прошлым в рамках прагматической истории. Это и годы царствования Николая I с его официозным почитанием Петра Великого, и первые годы царствования Александра II, когда стремившаяся к освобождению от стереотипов прошлого русская общественная мысль была склонна искать не только положительные, но и темные стороны петровского времени. «От духа самого автора зависит, будут ли такие рефлексии в самом деле интересны и жизненны»⁷, – подчеркивал Гегель, говоря об особенностях восприятия современниками прагматической истории. В этой связи «духа» Устрялова как историка-прагматика в полной мере хватило для того, чтобы привлечь читателя.

Наличие сюжета предполагает демонстрацию автором движения, взгляда на излагаемые события и явления как на развивающийся про-

---

⁵ Добролюбов. 1962. Т. 3. С. 16.

⁶ Там же. С. 14.

⁷ Гегель. 2000. С. 61.

цесс. Этот процесс должен иметь свои предпосылки, проходить определенные стадии и приходиться к определенному завершению. В литературном произведении при этом повествование может идти на уровне отдельного человека, который является его героем, либо отдельной семьи или рода. Для исторического труда такой сюжет относится прежде всего к макрообъекту исследования, которым может являться государство или сообщество. Если же объектом исследования является историческая личность, которая может быть выдающимся деятелем вроде Петра Великого или человеком второго плана, наподобие людей из окружения Петра I или из круга его противников, то посвященный такому лицу сюжет произведения должен демонстрировать ее развитие. Но развитие личности в рамках сюжета в таком историческом труде должно быть выражено в тесной связи с макрообъектом исследования, с которым связана эта личность. Так, личность Петра Великого неразрывно связана с историей России, государства и общества, в развитие которых он внес очень значительный вклад.

Такая связь в полной мере проявляется в сюжете, созданном Устряловым для задуманного им произведения, посвященного истории царствования Петра Великого. В изданной историком части этого произведения четко проявляются такие необходимые части, как вступление с объяснением предпосылок излагаемых событий. Далее в центре сюжета оказывается непосредственно Петр I. Личность своего героя историк представил в ее развитии. В качестве этапов на пути этого развития и, соответственно, жизненного пути царя Устрялов выделил его детство, начало государственной деятельности и ее продолжение. Что касается начала государственной деятельности, то этапами его историк видел свержение стоявшей у власти старшей сестры, царевны Софьи, а затем взятие им турецкого Азова и участие в Великом посольстве в западноевропейские страны. По сюжету, все эти события являлись подготовкой к главному делу Петра – преобразований России по европейскому пути и войне за выход в Балтийское море со Швецией, которая была тесно связана с этими преобразованиями и служила ускорителем для них.

Сюжет всякого произведения предполагает наличие кульминации. Что касается данного труда Н.Г. Устрялова, то на пути четкого выделения его кульминации стоит незавершенность произведения. Во всяком случае, несомненно, что, в соответствии с историографической традицией, такой кульминацией должна была стать Полтавская битва и достигнутая в ней полная победа над шведами. Вместе с тем внутренний смысл произведения Устрялова предполагал необходимость еще одной кульминации сюжета. Определялась она тем, что, с его точки зрения,

более опасными врагами России, чем шведский король, являлись темные консервативные силы внутри страны. Отсюда выходило так, что почти через десять лет после Полтавской виктории такой второй кульминацией стало дело царевича Алексея Петровича, поскольку дело это представляло для Петра определенную опасность, а вокруг опального царевича оказались сосредоточены враждебные ему силы.

Развязкой сюжета должна была, в соответствии с традицией, стать смерть Петра. Но в труде Устрялова эта трагедия не могла исключить исторический оптимизм, который основывался на том, что движение страны в Европу, с большой силой заданное Петром Великим, остановить было невозможно. В этом, как и в исторической необходимости такого движения, историк был совершенно уверен. Действительно, мысль царя-преобразователя о вхождении в европейский мир была в полной мере воспринята русской монархией, а в то время, когда Устрялов работал над историей царствования Петра, русский престол занял, как был совершенно уверен историк, достойный его наследник, император Николай I, прямо заявлявший о продолжении его дела. Маркиз А. де Кюстин, сообщал о том, что Николай I будто бы говорил ему: «мы продолжаем дело Петра Великого»⁸. О стремлении императора походить на Петра I было хорошо известно в русском обществе того времени, что и отразилось в книге Устрялова и сказалось на ее композиции.

Вступление, помещенное в обширном введении, содержало обстоятельное объяснение причин проведения Петром I реформ как дела, жизненно необходимого для России. Историк сумел сделать это объяснение интересным для читателя, поскольку построил его путем демонстрации и анализа конфликта большой исторической значимости. Заключался же он, согласно Устрялову, в противоречии между культурной традицией, исключительно глубокой и сильной, и новыми потребностями страны и русского общества, определявшимися особенностями эпохи, на которую пришлось царствование Петра. С одной стороны, подчеркивал историк, Россия за века своего существования накопила ко времени вступления на престол Петра I большой позитивный опыт. Более того, по его словам, «Россия не уступала ни одному благоустроенному государству в том, что составляет главную пружину благоденствия общественного: она имела крепкое правление, утвержденное временем, опытом, согласием с духом народным, равно отличное и от бурного разновластия, и от произвольного деспотизма»⁹. Особенно высоко оценивал он самодержавие. Он

---

⁸ Кюстин. 1991. С. 481.

⁹ Устрялов. 1858. Т. 1. С. XV.

указывал, что «эта власть безусловная не была безотчетным произволом, как хотят уверить нас иностранцы. Трудно найти другую страну, где бы самодержавие пользовалось своим правом с такой осторожностью, с таким уважением святости закона, с такою заботливостью о выгодах и благосостоянии каждого сословия, как в нашем отечестве, по воцарении дома Романовых»¹⁰. Казалось бы, «стародавняя Россия заключала в недрах своих главные начала государственного благоустройства: она имела правление крепкое, единодержавное, заботливо охранявшее неприкосновенность закона; церковь, в наилучших отношениях к миру и к верховной власти, определенную в правах и обязанностях своих служителей; дворянство знаменитое, блестящее, не уступавшее никакому другому доблестью и заслугами; законы, сообразные духу народному, самобытные, освещенные опытом, мудростью веков. Единство веры, языка, управления скрепляли все части ее в одно целое, в одну могущественную державу»¹¹. Но отставание России при всех ее достоинствах было для Устрялова совершенно очевидным фактом: в стране «не развивалась ни одна отрасль промышленности, знания или искусства». «Все необходимое для жизни мы покупали из-за границы»¹², – отмечал он. Не менее резко характеризовал он умственный и морально-нравственный уровень русского общества: «Грубое невежество, господствуя в высших и низших слоях общества, разливало тлетворный яд свой на нравы и обычаи, которые представляли странную смесь добрых качеств, свойственных русскому народу, с предрассудками, суеверием, даже с отвратительными пороками»¹³. Не удивителен поэтому и общий его вывод: «Мы коснели в старых понятиях, которые переходили из рода в род, из века в век; мы спесиво и с презрением смотрели на все новое, и в каком-то чудном самозабвении воображали, что "православный Россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а святая Русь первое государство". Бесспорно, привязанность к родному, национальному, также необходима для благоденствия общества, как и само образование. Но если это благородное чувство переходит в закоренелый предрассудок, отвергающий всякую новую мысль, ужели государство, ими зараженное, может благоденствовать?»¹⁴, – задавал он риторический вопрос.

Этим Устрялов объяснял необходимость проведения в России принципиальных изменений, что хорошо понимал Петр I, который, по

---

¹⁰ Там же. С. XVI.

¹¹ Там же. С. XXI.

¹² Там же. С. XXIV.

¹³ Там же. С. XXV.

¹⁴ Там же. С. XXIV.

словам историка, «хотел преобразовать полуазиатскую Россию в государство цветущее промыслами, искусствами, науками, с необходимым политическим весом в Европе». Вместе с тем возникал вопрос о методах преобразований, или о возможности добиться результатов без резких изменений и потрясений в стране. Устрялов считал, что без этого вывести Россию из состояния отсталости в европейский мир было невозможно. Ради убеждения в этом своего читателя он опять использовал такой сильный литературный прием, как риторический вопрос. Могла ли Россия «выйти из своего тягостного положения постепенным, хотя и медленным образованием своего гражданского порядка, вследствие внутреннего стремления к усовершенствованию, без крупного переворота, которым так сильно потряс ее Петр Великий?»¹⁵. Такой прием способствовал принятию читателем авторской точки зрения.

По оценке Н.А. Добролюбова, восторженное отношение Устрялова к русской культурно-исторической традиции и в то же время его исключительно резкие высказывания об отсталости страны не просто «противоречат друг другу», но и «взаимно друг друга уничтожают»¹⁶. Противоречия, несомненно, имели место. Но эти противоречия были характерны для определенного направления русской исторической мысли времени царствования Николая I, концентрированным выражением которой была теория официальной народности. В данном случае историк проводил идею, согласно которой государственная мысль российского самодержавия, носителем которой выступал гений Петра Великого, была способна поставить задачу преодоления негативных последствий прошлого, традиций, оставлявших Россию в стороне от мирового развития, и включения страны в круг европейских государств, добившихся больших успехов в своем развитии. В той части своих рассуждений, где говорилось о ценности русской культурно-исторической традиции, он был близок к своим современникам-славянофилам. В том же, что касается резкой критики некоторых существенных сторон этого прошлого и вывода о необходимости преодоления отсталости и вступления страны в европейский мир, имелись черты сходства с воззрениями других его современников, западников. Ни к одному из этих известных направлений русской исторической мысли николаевского времени труд Устрялова о Петре I не примыкал. Несомненно, что эти противоречия, которые были выражены автором во вступлении, он видел в самой исторической реальности России до Петра I.

---

¹⁵ Там же. С. XXV.

¹⁶ Добролюбов. 1962. С. 22.

После вступления историк разворачивал повествование о жизни Петра. «Радостно и весело» царевич «встретил... жизнь», но уже в раннем детстве ему пришлось испытать первый «жизненный удар», когда умер отец, царь Алексей Михайлович, и затем второй удар, когда был сослан фаворит царя Алексея, боярин А.С. Матвеев¹⁷. Новое тяжкое испытание последовало для царевича в десятилетнем возрасте. После смерти старшего брата, царя Федора Алексеевича, последовал бунт стрельцов и бурные события, связанные с борьбой за власть. Ко времени работы Устрялова тема стрелецкого бунта для русской исторической мысли была уже не новой. Исключительно яркое ее поэтическое выражение давал в произведении «Петр Великий» М.В. Ломоносов, жанр которого он обозначил как «героическая поэма». В формирувавшейся в эпоху Просвещения русской исторической науке ход этих событий и их оценку представил И.И. Голиков в фундаментальном труде «Деяния Петра Великого».

Как и для предшествовавших сочинений, для текста, созданного Устряловым, была характерна художественная образность. К началу бунта были созданы все предпосылки: «Всякое повиновение исчезло; буйство заразило все умы. Слободы кипели вооруженными толпами, пьяными и непокорными; ожесточение выражалось на свирепых лицах. Требовалось одной искры, чтобы воспламенить кровавый бунт»¹⁸. Не менее ярко и резко подавал он действия бунтовщиков, стрельцов и раскольников, в разгар бунта. По словам Устрялова, в других условиях распространение «раскольничьих бредней» обошлось бы «без дальнейших последствий, ограничившись тесным кругом немногих сумасбродов; но при тогдашнем фанатическом расположении умов, вышло противное»¹⁹.

Уже один из первых историков Петра I, новгородский дворянин П.Н. Крекшин, подчеркивал, что царю постоянно угрожала какая-то опасность. Он писал, что когда Петр вместе с Великим посольством по пути в Западную Европу проезжал через Ригу, принадлежавшую Швеции, то шведский генерал-губернатор Риги граф Делберт даже «искал случая Царское Величество убить, или всю свиту посольства арестовать»²⁰. Не случайно исследователь сочинений Крекшина, М.Б. Плюханова, отмечала, что «юность Петра представлена Крекшиным прежде всего как ряд опасных для его жизни ситуаций». Помимо эпизода в Риге, она указывала на еще один описанный Крекшиным случай, когда

---

¹⁷ Устрялов. 1858. Т. 1. С. 10-11.

¹⁸ Там же. С. 25.

¹⁹ Там же. С. 77.

²⁰ Крекшин. 1787. С. 20.

еще в первом Азовском походе было раскрыто намерение «Яшки Янсена», перешедшего к туркам голландского матроса-наемника, убить Петра и тем самым «светильник... угасить». Однако ему удалось выйти живым из всех этих ситуаций. Конечно же, Крекшин был, по справедливой оценке самого Устрялова, «собиратель трудолюбивый, но бездарный и безграмотный»²¹. Тем не менее, определенную традицию в изложении начала петровского царствования он заложил.

В то же время, начиная с «Деяний Петра Великого» И.И. Голикова, в историографии была заложена другая традиция, по которой историком формировался образ главного врага царя, его своеобразный антипод. Для Голикова таким антиподом выступал гетман Мазепа. Устрялов в своем труде также вывел образ известного украинского гетмана. Но, поскольку в своей «Истории царствования Петра Великого» он не успел довести изложение до вторжения шведов на Украину и до перехода Мазепы на сторону шведского короля, образ гетмана не занимал в этом труде сколько-нибудь значительного места. И если Голиков доводил негативный образ Мазепы до уровня его демонизации, то в труде Устрялова Мазепа отмечен как бы мимоходом, хотя историк показал, что черты личности будущего изменника у гетмана уже имелись, и что измена его была далеко не случайной. Так, еще в 1689 г., после торжественного приема его Петром, Мазепа, «осыпанный царскими милостями, отправился в Малороссию», как добавлял Устрялов, «с мрачным замыслом в душе»²², но не приводил доказательств существования таких замыслов. Однако это не значило, что Устрялов отказался от создания сильного и демонического образа главного противника Петра. В той части его труда, которая успела выйти в свет, в этой роли выступала старшая его сестра, царевна-регентша Софья. Этот образ Устрялов вполне довел до уровня демонизации. Так, он создал яркий литературный образ искры, от которой загорелся пламенем «кровавый бунт», причем эту «искру бросила невидимую искусною рукою молодая царевна»²³. В ходе стрелецкого бунта, отмечал он, Софья овладела положением. Стрельцы желали видеть ее правительницей при малолетних государях. Когда же бунт закончился, то ответственность за кровопролитие Софья сумела возложить на начальника стрелецкого приказа князя И.А. Хованского²⁴. «Мысль о царской короне не давала царевне покоя ни днем, ни ночью», – отмечал Устрялов²⁵.

---

²¹ Устрялов. 1858. Т. 1. С. XV.

²² Устрялов. 1858. Т. 2. С. 99.

²³ Устрялов. 1858. Т.1. С. 25.

²⁴ Там же. С. 85.

²⁵ Устрялов. 1858. Т. 2. С. 45.

Как результат срыва замыслов Софьи и подавления стрельцов Устрялов рассматривал последовавшие вскоре после этого победы в Северной войне против Швеции. Вместе с тем на первом этапе этой войны царю пришлось вести борьбу не только с силами шведского короля, но и по-прежнему с темными силами, которыми в 1705 г. стали восставшие астраханцы. Как отмечал историк, этому содействовало широкое распространение в русском обществе раскола: «В Астрахани между стрельцами, солдатами, людьми торговыми и черными издавна завелся раскол разных толков и обрядов. Туда стекались старoverы... Новые меры правительства распалили умы»²⁶. В конечном счете восстание было подавлено, с мятежниками расправились. Об этом Устрялов писал со строгой ссылкой на документальный материал: «30 человек обезглавлены, 60 повешены, многие сосланы в Сибирь»²⁷.

Четвертый том «Истории царствования Петра Великого» был доведен до 1707 г. В следующий том должны были войти решающие события Северной войны: победы при Лесной и Полтаве, морская победа при мысе Гангут, Прутский поход, образование Сената и другие важные реформы. Однако в 1859 г. был издан не пятый, но следующий за ним шестой том, темой которого был «Царевич Алексей Петрович» и его трагическая судьба. Пропуск пятого тома и публикация тома, следующего за ним, едва ли было случайным. Как полагал Н.Я. Эйдельман, связано это было с важными общественными изменениями после смерти Николая I. Когда «начиналось освобождение крестьян, когда повеяло более свободным, теплым воздухом и заговорила герценовская Вольная печать в Лондоне, – тогда-то Устрялов решился и выпустил в свет целый том, посвященный делу Алексея»²⁸. Кроме того, выход в свет этого тома был ускорен публикацией в 1858 г. письма гвардии капитана Александра Румянцева некому Дмитрию Ивановичу Титову. Письмо было написано 27 июля 1718 г., через месяц после гибели царевича. Появилось оно в четвертой книге «Полярной звезды» под заголовком «Убиение царевича Алексея Петровича», напечатанной в Вольной русской типографии А.И. Герцена в Лондоне.

Сюжет о жизни и гибели царевича Алексея Петровича в полной мере вписывается в композицию труда Н.Г. Устрялова о царствовании Петра Великого. Если ранее разные противники Петра и его преобразований объединялись вокруг царевны Софьи, то после ее заточения в

---

²⁶ Устрялов. 1858. Т. 4. С. 486.

²⁷ Там же. С. 508.

²⁸ Эйдельман. 1993. С. 62.

монастырь, по мере взросления царевича, таким центром стал он. К этому, как показывал историк, вели особенности формирования его личности, начиная с детства и юности. Он, по существу, не был занят делом, к семнадцати годам «жил постоянно в селе Преображенском без всякого занятия, получая на содержание 12000 рублей, и только посещал токарного мастера Людвиг де-Шепера»²⁹. Царь виделся с сыном очень мало. Устрялов обстоятельно характеризовал, каким было влияние на царевича в отсутствие Петра. Основываясь на материалах допросов царевича Алексея, он указывал, что «попы и чернецы были его собеседниками; в кругу их он возненавидел все, что ни любил его отец; новая столица была ему ненавистна; иногда он воображал, что Петербург провалится; иногда говаривал, что оставит его немедленно, как скоро будет царем. Царевна Мария Алексеевна, суеверная и неприязненная брату, распяляла ум племянника тайными видениями. Царица-мать также действовала на сына чрез своих родственников и друзей, в особенности чрез брата своего Авраама Лопухина. Но главным виновником несчастного настроения его был Александр Кикин, некогда любимый денщик Государя, впоследствии адмиралтеец, человек умный и бойкий, он из видов любостыжания втерся к царевичу и представлял дела отца в ненавистном виде»³⁰.

История царевича Алексея из шестого тома не только вписывалась в композицию общего труда историка, но имела и собственную композицию. Воспитание Алексея противниками царя выступало завязкой этой композиции. Ход событий составляла его дальнейшая жизнь вплоть до бегства в пределы Священной Римской империи, где он рассчитывал укрыться от отца. Кульминацией было возвращение Алексея, обеспеченное тайным советником П. Толстым и гвардии капитаном А. Румянцевым. Следствие по делу царевича в Москве и в Санкт-Петербурге и его гибель представляли собой развязку истории его жизни.

Попытка царевича Алексея укрыться от отца в габсбургских владениях, в том числе в последнем его прибежище, которым был замок в Неаполе, его возвращение и смерть давали материал для литературного произведения, пронизанного романтическими мотивами. Немало этому могло бы способствовать признание достоверности письма А. Румянцева Титову и привлечение его в качестве источника. Но Устрялов в отношении этого письма выступал не как художник-романтик, но как историк и источниковед, для которого вопрос о достоверности источника имел ис-

---

²⁹ Устрялов. 1859. Т. 6. С. 17.

³⁰ Там же. С. 18.

ключительную важность. Приведя в приложении к шестому тому текст этого письма, он, однако, решительно отвергал его достоверность и подчеркивал, что письмо «было наполнено грубейшими ошибками историческими». Так, указывал историк, если в письме А. Румянцева говорилось о том, что любовница царевича Ефросинья «в монастырь на вечное покаяние отослана», то на самом деле ей «как единственному лицу, склонившему царевича возвратиться из Неаполя» оказали «большую милость»³¹. В письме сообщалось о возможности прихода царевича «с войском в Россию». Об этом будто было указано в его посланиях. На самом деле, указывал историк, ничего подобного в бумагах Алексея из государственного архива в Вене и в бумагах, привезенных Ефросиньей, не было³². Вывод Н.Г. Устрялова о недостоверности письма А. Румянцева встретил возражение молодого историка М.И. Семевского, которого письмо привлекало совершенно очевидным разоблачением Петра и самодержавного деспотизма. В самом деле, речь шла в письме о прямом приказе Петра, данном царем Румянцеву и Толстому, а также генерал-поручику Бутурлину и лейб-гвардии майору Ушакову. В нем царь будто бы говорил им: «слуги мои верные, спешно грядите убо к одру преступного Алексея и казнити его смертию, яко же подобает казнити изменников Государю и отечеству. Не хочу поругать царскую кровь всенародною казнию, но да совершится сей предел тихо и неслышно, яко бы ему умершу от естества, предназначенного смертию. Идите и исполните; так обо хочет законный ваш Государь и изволит Бог»³³. И далее приводились подробности того, как был удушен ими Алексей.

Несомненно, что письмо отражало глубокий драматизм в отношениях между царем и царевичем, отцом и сыном. Письмо могло послужить основой для литературного сюжета о гибели царевича Алексея. В труде Н.Г. Устрялова о Петре I имели место ярко выраженные признаки литературного повествования, в том числе такой, как композиция. Однако Н.Г. Устрялов, по справедливой характеристике Н.Я. Эйдельмана, был «человек весьма благонамеренный и верноподанный, но притом усердный, дотошный исследователь»³⁴. Историк в его творческой личности брал верх над писателем, и это не позволило ему признать письмо гвардии капитана Румянцева достоверным. Эйдельман признавал правомерность скепсиса в отношении письма, который демонстрировал

---

³¹ Там же. С. 294.

³² Там же. С. 628.

³³ Там же. С. 623-624.

³⁴ Эйдельман. 1993. С. 62.

Устрялов, и разделял его. Он при этом добавлял, что в пользу версии о поддельности письма свидетельствовало время его появления в печати. В самом деле, обращал внимание он, все списки письма относятся к концу сороковых – началу пятидесятих годов XIX в. «Где же пролежал этот документ почти полтора столетия, почему о нем никто прежде не слышал?»³⁵, – задавал Н.Я. Эйдельман риторический вопрос.

«История царствования Петра Великого» Устрялова закончена не была. Тем не менее, этот труд является важной вехой в историографии петровского царствования, в изучении личности и деятельности самого царя. В то же время в нем, как и в некоторых других крупных исторических трудах первой половины – середины XIX в., проявляются черты литературного произведения, с ярко выраженными художественными образами царя и лиц его времени. В этом произведении присутствует композиция, которая соответствует историческим взглядам Устрялова как историка официального направления общественной мысли в России при Николае I. Особенностью композиции является две кульминации, из которых первая, связанная с решающими успехами войны против Швеции, не получила завершения. Более четко проявилась вторая, которая относится к борьбе с темными силами внутри страны, со стрельцами и старообрядцами, и олицетворением которой выступали царевна Софья и царевич Алексей. При этом образ Софьи доведен до уровня ее демонизации, примерно так, как значительно раньше сделал это И.И. Голиков в отношении гетмана Мазепы. Что же касается тома шестого, содержащего историю царевича Алексея, то он имеет свою собственную композицию, с трагическим финалом, не только для царевича, но и для царя.

Как крупное явление историографии и культуры своего времени, труд Н.Г. Устрялова «История царствования Петра Великого» нес в себе выражение восприятия современным русским обществом того времени эпохи и личности царя-преобразователя и служил предпосылкой для дальнейшего ее научного и литературно-художественного исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- [Голиков И.И.] Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1788. Ч. 1.
- Добролюбов Н.А. Первые годы царствования Петра Великого // Добролюбов Н.А. Собр. соч. в 9-ти т. М.; Л: Гослитиздат, 1962. Т. 3. С. 7-132.
- [Крекиш П.Н.] Краткое описание Славных и Достопамятных дел Императора Петра Великого, его знаменитых побед и путешествий в разные Европейские государства со многими важными и любопытства достойными происшествиями, пред-

---

³⁵ Там же. С. 67.

ставленными разговорами в царстве мертвых Генерал-Фельдмаршала и кавалера Российских и Мальтийских орденов Графа Бориса Петровича Шереметева, боярина Федора Алексеевича Головина и самого сего Великого Императора с Российским царем Иоанном Васильевичем, Шведским королем Карлом XII, Израильским Царем Соломоном и Греческим Царем Александром. СПб., 1787.

Кюстин А. де. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1991. С.421-660.

Ломоносов М.В. Слово похвальное блаженным памяти Государю Императору Петру Великому, говоренное апреля 26 дня 1755 года // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. М.; Л., 1959. Т. 8. Поэзия, ораторская проза, надписи. С. 584-612.

Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 1-4. СПб., 1858.

Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 6. СПб., 1859.

Устрялов Н.Г. О системе прагматической русской истории. СПб., 1836.

Литература

Биск И.Я. Введение в писательское мастерство историка: Литературная форма исторического труда. Иваново: Изд-во ИвГУ, 1996. 144 с.

Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. 479 с.

Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. Т. 3. Стб. 694, 695.

Нечкина М.В. Функция художественного образа в историческом процессе. М.: Наука, 1982. 320 с.

Плюханова М.Б. История юности Петра I у П.Н. Крекшина // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1981. Вып. 513. С. 17-39.

Эйдельман Н.Я. Розыскное дело // Эйдельман Н.Я. Из потаенной истории России XVIII – XIX веков. М.: Высшая школа, 1993. С. 50-82.

Шевцова Оксана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Южный федеральный университет, доцент кафедры речевых коммуникаций и издательского дела; oksana_shevtsova@bk.ru